

Ю. Р. Гроте¹

ПРОФСОЮЗЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ. ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ СОЗДАНИЯ АЛЬЯНСОВ И СОТРУДНИЧЕСТВА

В то время как Запад озабочен распространением популизма, праворадикальными ксенофобскими движениями и их мечтающими вернуться в прошлое сторонниками, от его внимания ускользают группы и организации, имеющие более широкий взгляд на мир, — профсоюзы и общественные движения. Далее я попытаюсь изложить свою точку зрения на эту проблему: почему так происходит и какие теоретические исследования и практические действия следует предпринять, чтобы улучшить ситуацию.

1. Страсти и интересы

В опубликованных в последнее время работах о современном состоянии политики в западных демократиях и о формах коллективных действий можно выделить три недостатка. Общий посыл как результат исследований в сфере политической экономии и форм демократии в Европе просто ужасает. Кажется, что мы находимся в ситуации упадка, дробления и индивидуализации, снижения веры в институты, лишившиеся содержания, захвата власти и чрезмерного накопления богатств небольшими по численности политическими и экономическими элитами, нарастающей маргинализации и обнищания больших групп населения. Все это происходит одновременно, и мы оказываемся в самом центре проблем. Достоверность этих наблюдений не вызывает сомнений, однако следует отметить один из недостатков исследований: в них в той или иной степени игнорируется один ключевой аспект, а именно способность тех, кто больше всего страдает от вышеупомянутых тенденций, объединиться и искать возможности, чтобы совместными усилиями остановить, обратить вспять происходящее или каким-то иным образом защитить свои интересы.

Второй недостаток относится к работам, посвященным конкретно этим акторам, а именно исследованиям существующих профсоюзов и общественных движений. И в тех, и в других признается масштаб нынешнего кризиса. Появились многочисленные книги и статьи, где рассматриваются реакции тех, кто является целя-

ми этих исследований, но в целом это всем безразлично. Плодотворного сотрудничества почти нет, никто не хочет выходить за рамки установившихся традиций исследования. Похоже, что те, кто изучает две разные формы коллективных действий, игнорируют друг друга. В лучшем случае исследователи профсоюзов и общественных движений рассматривают друг друга просто как средства, которые могут быть им полезны.

Третий недостаток непосредственно связан с предыдущим. Он относится к подобному типу разделений или, если выразиться более точно, к дихотомическим рассуждениям в целом. Мы позаимствовали идеи о страстях и интересах из новаторской работы Альберта Хиршмана [7] о процессах перехода от одного исторического периода к другому. Слово «страсти» используется в настоящей работе для сокращенного обозначения нематериальных интересов, в то время как термин «интересы» относится к материальной сфере. В типичной работе об общественных движениях и профсоюзах утверждается, что это были важнейшие различия, лежащие в основе коллективных действий двух типов групп, и с этими различиями трудно справиться. Эта дихотомия лежит в основе всех дебатов с самого их начала. Однако все может быть не так просто. Хиршман четко показывает, что страсти изначально ассоциировались с положительными качествами (в феодальные времена), но со временем могут превратиться в отрицательные, а потом опять приобрести дополнительное положительное значение — но на этот раз в форме просвещенного, то есть ведомого каким-то интересом поведения (капитализма). Например, жадность и алчность, как и честолюбие, и стремление к славе, трансформировались в более прозаичные интересы, и теперь от них получают пользу не только отдельные парвеню и феодалы, но и все общество. За долгую историю удалось понять, что интересы являются укротителями страстей, а последние теперь считаются негативными и нежелательными для общества отклонениями, и этот переход во многом произошел благодаря социально-политическим и экономическим переменам.

Поэтому страсти и интересы нельзя четко отделить друг от друга. Они все время сливаются и смешиваются, и что именно возьмет верх в сознании людей в тот или иной исторический период, во многом зависит от степени вовлеченности и изменяющихся восприятий. В таком случае спорным оказывается вопрос, можно ли упомянутым выше разделением и дихотомии (политическая экономия и политическая теория против исследования коллективных действий; производственные отношения против знания общественных движений; и страсти против интересов) придать единую форму и привести в соответствие или совместить, глядя на некоторые недавние примеры коллективных действий членов двух изучаемых лагерей.

¹ Главный научный сотрудник Научно-исследовательского института «Диалог цивилизаций» (Берлин), доктор философии (Европейский университетский институт во Флоренции, Италия), работал в Карловом университете в Праге (Чехия). Область научных интересов: формы организованных коллективных действий капиталистов, рабочего класса; гражданское общество и общественные движения; европейская интеграция; региональная и структурная политика; стратегически важное управление и анализ взаимоотношений. Автор и редактор большого количества научных статей и книг, в т. ч.: «Social Movements and Organized Labour: Passions and Interests» (сост.), «Organized Business Interests in Changing Environments: The Complexity of Adaptation» (сост.), «Governing Interests. Business Associations Facing Internationalization» (сост.), «Organized Interests and the European Community» (сост.), «Yellow vests and blue mandarins», «Political misperceptions and their causes: Suggestions for research» (в соавт.), «Democratic capitalism and its discontents», «Making and breaking social capital: The paradox of China's social credit system» (в соавт.) и т. д.

В последнее время шли дебаты о том, что называть общественным движением или юнионизмом общества (как это делает Уотерман в своих работах). В основном они были вызваны событиями в ЮАР и Латинской Америке. Ученые, занимающиеся производственными отношениями, глубоко изучали работы об общественных движениях с целью идентификации моделей действий, которые могли бы способствовать возрождению профсоюзов. Тем не менее даже эти прогрессивные работы по сути оставались нормативными и большей частью инструментальными по своему характеру.

Если говорить об ученых, изучающих общественные движения, то профсоюзы фактически никогда не включались в их поле исследований. На протяжении какого-то времени их полностью исключали и не рассматривали как возможных партнеров и союзников. Их считали анахронизмом (Турень) из-за встроенности в государственные институты. Говорили, что они не способны адаптироваться к потребностям постиндустриального общества (Мелуччи). Горц не видел в них средоточия социальных перемен, а для Гидденса и Бека их место в современном мире остается спорным. В целом изучение общественных движений имеет склонность пренебрегать возможностью поиска альянсов с профсоюзами, как и профсоюзы, в свою очередь, пренебрегают этой возможностью. В настоящее время имеется лишь несколько исключений из подобного взаимного неуважения и невнимания. В первую очередь это вызвано реакцией на долги и финансовый кризис, начавшийся в 2008 году, после которого положение дел начало меняться совсем недавно. Некоторые ученые поняли, что капитализм и политическую экономию нужно снова анализировать и включать в исследования, потому что большинство тех, кто стоит за последними выступлениями против режима жесткой экономии, направляют свое недовольство не только против форм коммодификации (традиционных трудовых споров и производственных конфликтов), но и против рекоммодификации (приватизации) и экс-коммодификации (исключения из рынков труда).

Анализируется возникновение контрдвижения, или новой формы совместных коллективных действий. Поэтому нас интересует вопрос, решают ли, а если решают, то почему и когда отдельные люди, уже сформировавшие организованную группу, присоединиться к проектам и деятельности с более широким охватом, которые выходят за пределы различных коллективных акторов. Во вторую очередь нас интересует, берут ли при этом профессиональные лидеры этих акторов на себя руководящую роль, а если берут, то когда. Это очень важное различие. Одно дело смотреть на договоры, заключения которых добились руководители. Для этого типа совместных действий понятие альянса или, как предлагает Диани [4], организационного «режима координации» (РК), может быть самым подходящим. Совсем другое дело, если посмотреть на уровень рядовых участников. Совместные действия людей, стирающие границы, лучше всего можно понять по сетям, по общественному движению и субкультурным видам координации. Наконец, альянсы и сети могут иметь весьма разные позиции относительно лежащих

в основе целей, логических обоснований и подоплеки, а также структурных конфигураций. Иногда альянсы могут хорошо работать даже в отсутствие поддержки снизу. В других случаях может быть явное сотрудничество членов различных организаций, при котором нет необходимости в формировании альянса на уровне руководителей.

Вместо того чтобы рассуждать об уже устоявшейся сфере или поле деятельности профсоюзов и общественных движений, предлагаю перечитать современных классиков. Возможно, это даст возможность по-новому осмыслить обсуждаемую тему.

2. Поперечные расколы и пересекающиеся слои общества

Исчезновение традиционных расколов и когда-то четких классовых барьеров ставит вопрос о том, происходит ли обмен мировоззрениями и самосознанием в проницаемых классовых и поколенческих структурах, и не может ли этот обмен привести к чему-то вроде общего сознания активистов. Главной работой на эту тему считается книга Стейна Роккана [10] о слоистых структурах и пронизывающих всю структуру расколах. Расколы касаются не только структуры (экономической и пространственной), но и норм и ценностей (идеологий и отношений), а также действий и мобилизации (поведения), но могут включать еще и этническое, политическое, религиозное, гендерное и культурное разделение общества. Большую часть времени они представляются в форме своеобразных комбинаций таких разделений с тенденцией к взаимному наложению и усилению друг друга. В случаях, когда группы, изначально придерживавшиеся постматериалистических ценностей, начинают общаться и перемешиваться с членами групп, предпочитающих традиционные материалистические ценности, мы имеем дело с поперечным расколом. Когда члены обеих групп остаются в рамках своих изначальных пределов или среды, речь идет об усилении расколов. Если говорить о двух изучаемых группах, то вполне обоснованно можно утверждать, что последняя тенденция была доминирующей в относительно стабильный период роста примерно до начала 1980-х годов. С этого времени социальные, политические и культурные расколы становятся все шире, при этом как у членов профсоюзов, так и у участников движений формируется самосознание и мировоззрение, в которых присутствует одно и то же беспокойство, неуверенность и озлобленность из-за угроз, которые они одинаково чувствуют, — понижение общественного статуса, исключение из политической жизни и, если говорить об экономике, снижение уровня жизни.

Работа Георга Зиммеля о концентрических и пересекающихся слоях общества [11, р. 125–195] также помогает пролить свет на смешение социальных положений, стилей жизни, поведения и ценностей. В то время как «Концепция Роккана... относит структурные напряжения к сетям, идея Зиммеля... позволяет нам ухватить процесс индивидуализации, но также и посмотреть на то, как членство может перекомбинироваться в различных структурных моделях» [3,

р. 391]. Поскольку в пересекающихся кругах меняются не только восприятие и нормативные рамки, но и сама природа эмпирически наблюдаемых общественных отношений, такая комбинация может помочь полностью преодолеть дихотомию «структура–действие».

3. Движения и контрдвижения

Понятие «контрдвижение» было введено Карлом Поланием уже в 1944 году [9]. В своей книге «Великая трансформация» Поланий описывает переход от одного исторического периода к другому, изначально сосредоточив внимание на XIX веке. В его понимании развитие капитализма было вызвано двойным движением, определяющим относительную степень включенности и исключенности рынков из социальной и институциональной организации в разное время. Поланий обращается к более поздним событиям 1930-х годов и утверждает, что крах международной экономической системы был прямым следствием попытки организовать экономику на основе концепции свободной конкуренции и свободного предпринимательства, взятой из британской и австрийской школ либерализма. Как и в предыдущем столетии, движение за свободу предпринимательства нацелено на освобождение рынка от вмешательства государства, регулирования и других социальных ограничений и в дальнейшем подверглось атаке контрдвижения, которое боролось за сохранение социальных и политических прав и привилегий, завоеванных ранее. Движение «в обе стороны» означало столкновение двух противоположных и несовместимых целей: с одной стороны, свободного рынка, с другой — стремления общества навязать свои ценности процессу производства и распределения.

Поэтому концепция особенно подходит для анализа протестных событий и ширококомасштабной мобилизации как раз в то время, когда рушатся традиционные оплоты профсоюзов. При этом защитой материальных интересов с каждым днем озабочены все большие группы населения.

4. Формы критики

Многие из кажущихся точными дихотомий, разделяющих страсти и интересы, усиливаются от углубляющих друг друга расколов, становятся более сфокусированными благодаря пересекающимся слоям общества и прогрессивными благодаря реакционным частям контрдвижения, требуют дальнейшей концептуальной разработки и уточнения. Однако имеется еще одна классическая концепция, и она больше других подходит для наших аналитических целей. Она представлена Люком Болтанским и Евой Чапелло [2] в работе под названием «Новый дух капитализма». Авторы интересуют анализ мотивов, неожиданно побудивших студентов и рабочих объединиться во время известных событий 1968 года во Франции, и они утверждают, что в основе волнений лежали различные источники негодования. Во-первых, требование свободы, во-вторых, неприятие безликости, в-третьих, отказ от эгоизма и, наконец, реакция на страдания. Соединение двух первых причин нашло классическое выражение

в богемной среде в конце XIX века и называется «художественная критика». Вторая пара, централизованно сформулированная традиционным рабочим движением, представляет собой форму «социальной критики». Сравнивая судьбу двух форм критики с точки зрения их успеха, авторы находят, что художественная критика, по сути, была представлена студенческим движением и добилась большего, хотя и несколько неожиданным образом, чем рабочее движение. Многие требования, выдвинутые студентами в 1968 году, как, например, типы творческого выражения, гибкость самосознания, независимость и саморазвитие, направленные против ограничений буржуазной дисциплины, буржуазного лицемерия и потребительского конформизма, со временем были приняты логикой капиталистического производства и управления: в форме гибких систем организации труда, работы со смежниками и субподрядчиками, работы в команде, многопрофильности и специалистов широкого профиля, горизонтального менеджмента и других характеристик так называемого бережливого капитализма или постфордизма. Хотя социальная критика могла быть такой же успешной в достижении целей, связанных с правами, относящимися к рабочему месту, или нормами и предписаниями, от многих из них в дальнейшем отказались или они были утрачены во время триумфального поворота к неолиберализму, установившемуся примерно в середине 1970-х годов.

Как и в случае других дихотомий, о которых говорилось выше, здесь встает вопрос в том, оправдывает ли нынешний период кризиса и упадка четкое разделение между двумя сильно различающимися, противоположными формами критики. Несмотря на предыдущие утверждения относительно несовместимости их формы и содержания [2, р. 468], они не поддаются пессимизму: «Художественной критике нужно... время для переформулирования вопросов освобождения и истинности, начиная с новых форм угнетения, которые она неосознанно помогла сделать возможными» [2, р. 469]. Это подведет ее ближе к социальной критике. На самом деле новые формы угнетения могут быть такими, что художественная критика, хотя и не полностью утратила *raison d'être* (*фр.* — смысл существования), больше не играет той роли, которую она играла три или четыре десятилетия тому назад. Чаще всего отчаяние, индивидуализация, вытеснение, изоляция, бессилие, заброшенность и отказы уходят корнями в социально-экономические формы угнетения, а не культурные или политические. В любом случае так называемые основные и побочные противоречия капитализма сегодня труднее выделить, когда дело касается реальных жизненных ситуаций.

В этом докладе пока еще не рассматривался вопрос организации. Ниже будет представлен ряд замечаний о важности организации для будущих альянсов и сетей, стирающих границы.

5. Организация по интересам

Важно учитывать различия между свободно меняющимися мотивами (мечтами, желаниями, стремлениями, беспокойствами или на самом деле страстями) с од-

ной стороны, и интересами, которые в конечном счете становятся важными на политическом рынке, — с другой. Назовем последние осторожно «политически существенными интересами». В реальной жизни только коллективно выраженные опасения и тревоги имеют шанс быть услышанными, особенно если вопрос поднимают сильные организации. Чем более профессионально выражается проблема и чем точнее она сформулирована, тем выше вероятность привлечения внимания к ней. При этом чем более реалистичны, то есть соответствуют системе, форма и содержание, тем выше шансы на продаваемость на политическом рынке. В то время как общественные движения и профсоюзы продвигают или поднимают острые вопросы примерно одинаковым образом, мы мало знаем о механизмах, которые трансформируют изначально аморфные страсти в такие существенные интересы. Интересы — это что угодно, только не социальная данность. Что такое интерес или каким он должен быть, по большей части определяется профессиональной бюрократией предпринимателей, преследующей собственные цели. В случае официальных организаций, таких как профсоюзы или ассоциации бизнесменов, поиск и адекватное определение интересов — сложный и нередко проблемный процесс трансформации. Используя образ дымохода, Филипп Шмиттер [12] разработал интересную модель, демонстрирующую основные составляющие этого процесса.

Представьте дымоход с отверстием наверху, через которое в него попадает фактически неограниченное количество самых разных индивидуальных потребностей всех членов общества. Ширина дымохода будет становиться все меньше, потребностям придется проходить через щели и зазоры, а в конце будет довольно узкая сливная труба. Изначальные потребности, желания, мечты, страсти, двигаясь по дымоходу, будут существенно меняться количественно (в меньшую сторону) и качественно (в худшую). «Из всех потребностей, которые потенциально могут стать интересами, одни отбираются, другие выталкиваются. Это относится к каждой „точке перехода“... пока лишь несколько избранных не выйдут из отверстия дымохода, чтобы их активно защищали или продвигали... По пути очень многие [из них] теряются или становятся бесполезными» [12, р. 302]. Проходы в каждом узком месте могут быть уже или шире, так что определенным желаниям, мечтам и страстям труднее других продолжать движение вниз. Кому из них удастся пройти весь путь, а кого вытолкнут из дымохода, определяется преднамеренным выбором в пользу выхода, властью, искажением или сокрытием со стороны руководства организации, или действиями и усилиями снаружи тех, кто их поддерживает, или оппонентов. В любом случае можно с уверенностью сказать, что у большинства официальных объединений по интересам, а значит, и профсоюзов, «политика групповых интересов имеет склонность быть по сути действительно консервативной» [12, р. 302]. Они исключают большое количество потенциальных потребностей, которые недостаточно четко определены, практически неосуществимы, не осознаны, не имеют ярко выраженных черт или характерных

особенностей, неоправданны, в которых отсутствует изобретательность и т. д.

В таком случае встает вопрос о том, как выглядит «дымоход» в случае общественных движений и более широко охватывающих выходов для коллективных действий. Что происходит с потребностями, желаниями и страстями, когда структурные конфигурации менее профессиональны, когда механизмы отбора менее развиты и когда отдельные люди в меньшей степени готовы отказаться от изначальных мотивов, присоединяясь к общим действиям? Для подобных случаев Шмиттер и предлагает форму трубы. При такой конфигурации весь набор потребностей, которые только можно придумать, теоретически будет разрабатываться коллективно, формулироваться свободно и удовлетворяться должным образом. Это, очевидно, будет непросто, потому что многие из них либо окажутся несовместимыми, либо их нельзя будет реализовать совместно. Для наших целей единственный способ обойти проблему несовместимости — дать новое определение потребностей таким образом, чтобы они одновременно стали менее всеохватывающими на входе в «дымоход», но достаточно специфическими в нижней его части.

6. Политика жизненно важных интересов

В таком случае одна из самых актуальных аналитических задач, стоящих перед нами, — заняться потребностями тех, чья жизнь не отличается стабильностью, различными формами изоляции и вытеснений. Одна из возможных стратегий — взять практически неограниченное количество общественных потребностей и сократить его, затем определить главные характеристики оставшихся и попытаться найти механизмы, способные трансформировать их в политические платформы и общие программы действий. Таким образом они трансформируются, станут «существенными интересами» в вышеизложенном смысле и будут лучше распознаваться широкой общественностью, СМИ и в не меньшей мере — политиками. Мы предлагаем назвать эти потребности «жизненно важными», или «необходимыми для выживания». Жизненно важные потребности не так экстравагантны и специфичны, как те, которые направляли большую часть исследований общественных движений в прошлом. Но они также являются и более широко охватывающими, чем просто выдвижение определенных требований, как практикуется многими профсоюзами и защитниками интересов, связанных с местом работы. При этом жизненно важные потребности более специфичны, чем мириады мотивов, наполняющих дымоход Шмиттера, писавшего о политике групповых интересов. В любом случае и теоретическое, и практическое значение появления стирающих границы форм коллективных действий еще предстоит определить.

Несмотря на достижения позднего капитализма в плане темпов экономического роста и создания богатства, сегодня жизненно важные потребности вернулись в программу действий. Они все еще ждут более точного определения и в не меньшей степени — тех, кто готов ими заняться и сделать их совместно разрабатываемыми интересами, а от контрдвижения потре-

буется оправдать свое название, решительно выдвигая требования. В немалой степени вследствие исторического успеха мобилизации профсоюзов жизненно важные потребности, так сказать, сошли с дистанции, были отодвинуты на второй план или из-за того, что их больше не считали необходимыми или выгодными, или из-за убежденности, что большинство из них уже в любом случае удовлетворены. Если вернуться к образу дымохода, то они могли в равной степени просочиться через узкие места внутреннего механизма фильтрации по причине выхода людей из профсоюзов или вмешательства со стороны консервативных или изначально смотрящих внутрь профсоюзных лидеров. Представляется, что сейчас пришло время заново их открыть и сделать важной частью программы действий профсоюзов.

В целом в этом докладе я попытался показать, что, во-первых, можно продолжать вести исследование совместных коллективных действий профсоюзов, общественных движений и акторов, не затронутых здесь, придерживаясь типов структурных и мотивационных дихотомий, которые являются нормой в области исследования профсоюзов и общественных движений. Во-вторых, что особые формы и содержание потребностей, которые снабжались ярлыком «жизненно важные», нашли свою объективную социальную основу в прекариате, важность которого постоянно растет. В-третьих, что удовлетворение жизненно важных потребностей и определение жизненно важных интересов, понимаемое как сознательно и повторно отражаемый набор целей и требований, включает страсти и интересы, художественную и социальную формы критики, а также материальные и нематериальные вопросы, волнующие людей. Оно усиливается при постоянных встречах членов различных групп, которые

выходят за пределы традиционных расколов, формируют пересекающиеся слои общества и в конце концов приобретают черты истинного контрдвижения, направленного против дальнейшей либерализации и упадка демократии.

Литература

1. *Beck U.* The Brave New World of Work / U. Beck. — Cambridge : Polity Press, 2000.
2. *Boltanski L.* The New Spirit of Capitalism / L. Boltanski, E. Chiapello. — L. : Verso, 2005.
3. *Diani M.* Simmel to Rokkan and Beyond: Elements for a Network Theory of (New) Social Movements / M. Diani // European Journal of Social Theory. — 2000. — № 3. — P. 387–406.
4. *Diani M.* Unions as Social Movements or Unions in Social Movements? / M. Diani // Social Movements and Organized Labour. Passions and Interests / J. R. Grote, C. Wagemann (eds.). — L. : Routledge, 2018. — P. 43–65.
5. *Giddens A.* The Consequences of Modernity / A. Giddens. — Cambridge : Polity Press, 1990.
6. *Gorz A.* Farewell to the Working Class: an essay on post-industrial socialism / A. Gorz. — L. : Pluto Press, 1985.
7. *Hirschman A. O.* The Passions and the Interests. Political Arguments for Capitalism before its Triumph / A. O. Hirschman. — Princeton : Princeton Univ. Press, 1977.
8. *Melucci A.* Nomads of the Present / A. Melucci. — L. : Hutchinson, 1998.
9. *Polanyi K.* The Great Transformation / K. Polanyi. — Beacon Hill : Beacon Press, 1957 [1944].
10. *Rokkan S.* Citizens, Elections, Parties / S. Rokkan. — Oslo : Univ. Press, 1970.
11. *Simmel G.* Conflict and the Web of Group Affiliations / G. Simmel. — N. Y. : Free Press, 1955.
12. *Schmitter Ph.* A Prolegomenon to a Theory of Interest Politics / Ph. Schmitter // Transformationen des Kapitalismus / J. Beckert, B. Ebbinghaus, A. Hassel, P. Manow (eds.). — Frankfurt ; N. Y. : Campus, 2006 [1981]. — P. 297–313.
13. *Touraine A.* Unionism as a Social Movement / A. Touraine // Unions in Transition: Entering the Second Century / ed. S. M. Lipset. — San Francisco: ICS Press, 1986. P. 151–73.